

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 117–125. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 117–125. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19/20"

EDN EENNEZ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-117-125>

**ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЯСНАЯ ПОЛЯНА В 1909–1910 ГГ.
(мемуаристика В.Ф. Булгакова, Н.Н. Гусева, А.Б. Гольденвейзера)**

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Россия, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье на основе изучения воспоминаний В.Ф. Булгакова, Н.Н. Гусева и А.Б. Гольденвейзера, писем и дневников Л.Н. Толстого последних двух лет жизни в Ясной Поляне анализируются особенности усадебной жизни и быта писателя, его предпочтения, взаимоотношения с домашними, посетителями, крестьянами. Показывается, что усадебная жизнь, ее содержание, ритм определялись именно Толстым, причем происходило это негласно, а Ясная Поляна без Толстого не была той уникальной усадьбой, в которой всё подчинилось слаженной духовной работе, мысли о необходимом преображении. Оценивается характер работы Толстого с молодыми секретарями и помощниками, близость убеждений, которая позволяла Гусеву и Булгакову не только передавать основные мысли Толстого для корреспондентов, но и пронизательно чувствовать настроение и состояние писателя. Констатируется значительное влияние Толстого на жизнь и судьбу его окружения.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Ясная Поляна, усадьба, усадебный быт, усадебная культура, мемуары, секретари Толстого, переписка, судьбы дворянства.

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Андреева В.Г. Лев Толстой и Ясная Поляна в 1909–1910 гг. (мемуаристика В.Ф. Булгакова, Н.Н. Гусева, А.Б. Гольденвейзера) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 117–125. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-117-125>

Research Article

**LEO TOLSTOY AND YASNAYA POLYANA IN 1909–1910
(MEMOIRS BY VALENTIN BULGAKOV, NIKOLAY GUSEV,
ALEXANDER GOLDENWEISER)**

Valeria G. Andreeva, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. In the article, based on the study of the memoirs of Valentin Bulgakov, Nikolay Gusev and Alexander B. Goldenweiser, letters and diaries of Leo Tolstoy during the last two years of his life in Yasnaya Polyana, the features of the estate life and life of the writer, his preferences, relationships with family, visitors, and peasants are analysed. It is shown that estate life, its content, rhythm were determined precisely by Leo Tolstoy with this happening behind the scenes, so that Yasnaya Polyana without Leo Tolstoy was not that unique estate in which everything was subject to well-coordinated spiritual work, thoughts about the necessary transformation. The nature of Leo Tolstoy's work with young secretaries and assistants, the closeness of convictions, which allowed Nilolay Gusev and Valentin Bulgakov not only to convey Leo Tolstoy's main thoughts for correspondents, but also to perceive the mood and state of the writer, are assessed. The significant influence of the writer on the life and fate of his entourage is stated.

Keywords: L.N. Tolstoy, Yasnaya Polyana, estate, estate life, estate culture, memoirs, Tolstoy's secretaries, correspondence, fate of the nobility.

Acknowledgments. This work was supported in the IWL RAS by the Russian Science Foundation project No. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Andreeva V.G. Leo Tolstoy and Yasnaya Polyana in 1909–1910 (memoirs by Valentin Bulgakov, Nikolay Gusev, Alexander Goldenweiser). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 117–125 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-117-125>

Популярность Л.Н. Толстого к финалу его жизни была чрезвычайно высока: казалось, что нет в России человека, который бы не знал гениального современника. Но кроме большого количества сторонников и почитателей у писателя были и недоброжелатели, не разделявшие его убеждений. Родные и помощники Толстого отмечали, что любые его перемещения, связанные с появлением на людях, сопровождалось вниманием и любопытством окружающих, порою не готовых к осознанию позиции человека, при своей известности ездившего в вагонах третьего класса, часто отказывавшегося даже от минимальных удобств, готового встать на колени перед мужиками, чтобы показать им равенство всех людей [Гусев: 361–362].

Возраст, определенный распорядок жизни, обилие посетителей и корреспондентов, сложности переездов и любовь к родной Ясной Поляне способствовали тому, что последние несколько лет Толстой прожил в своей усадьбе почти безвыездно, покидая ее лишь ради небольших поездок с родными и друзьями, и то непродолжительных. Усадебная жизнь писателя 1909–1910 гг. имеет значительные отличия от того времени, которое проводил в Ясной Поляне молодой Толстой. Целью данной статьи является уяснение некоторых ключевых элементов усадебной жизни писателя последних двух лет, сделанное на основании анализа мемуарных записей двух секретарей Толстого – Н.Н. Гусева (1882–1967) и В.Ф. Булгакова (1886–1966), а также воспоминаний друга Толстого, талантливого музыканта А.Б. Гольденвейзера (1875–1961).

В 1909–1910 гг. Толстой находился в преклонном возрасте – писатель уже отметил свой 80-летний юбилей. Но, несмотря на слабеющее здоровье, он до последних дней был активен и духовно бодр, а финальные два года, отягченные семейными ссорами и конфликтами, продолжающейся работой писателя над собой, показывают нравственную высоту Толстого, с уважением и трепетом относившегося не только к родным людям, но и ко всем посетителям, к просителям. И.Б. Мардов отмечает, что к финалу земного пути Толстой обрел видение широты вселенской духовной жизни. Однако это произошло для писателя не ценою отказа от прежних взятых рубежей, а благодаря продолжающейся внутренней работе: «...переходя из одного пространства духовной жизни в другое, Толстой нигде и никогда не ломался. <...> С 40 лет в его душе было место и для общедуховной, и для всечеловеческой, и для личной духовной, и для вселенской духовной жизни» [Мардов: 29].

В связи с ограниченным объемом работы в данной статье для анализа усадебной жизни Толстого мы остановимся лишь на изучении воспоминаний В.Ф. Булгакова, Н.Н. Гусева и А.Б. Гольденвейзера. Кроме того, мемуары указанных авторов наибо-

лее соответствуют выбранному нами периоду. В книге «Два года с Л.Н. Толстым» Гусев рассказывает о собственном пребывании в Ясной Поляне с 1907 г. по 1909 г., в книге Булгакова «Л.Н. Толстой в последний год его жизни» повествуется о событиях 1910 г., в воспоминаниях Гольденвейзера также уделяется наибольшее внимание жизни Толстого в Ясной Поляне в 1909–1910 гг.

Все три названные выше автора уважали и любили Толстого, были вхожи в его семью, считались фактически родными, много значили для самого писателя, ценившего молодых друзей за искренность, честность и прямоту, а также за неопределимую помощь в работе. Выбор мемуаров указанных авторов обоснован не просто их отличным пониманием Толстого, но особым вниманием к писателю на протяжении последних двух лет его жизни. Кроме того, Гусев и Булгаков, которые сменили один другого, стали секретарями Толстого, не эпизодически и по мере необходимости помогая писателю, а занимаясь конкретно теми поручениями, на которые указывал и которые доверял им Толстой.

Мемуарная литература о Толстом и его жизни часто цитируется, но А.С. Александров справедливо отметил, что «всевозможные воспоминания рассматривались исследователями и публикаторами преимущественно с историко-литературной точки зрения: они служили источниками биографических сведений о Толстом, о повседневной жизни Ясной Поляны. Переиздание таких текстов часто сопровождалось значительными купюрами так называемых “общих мест”: описаний усадьбы, рассказов о поездке в поместье семьи Толстых, некоторых вводных сведений и прочего» [Александров: 24]. Между тем нередко «выбрасываемые» «общие места» значимы для понимания не просто быта в Ясной Поляне, но общей атмосферы и ее изменений под влиянием Толстого.

В письмах и дневниках Толстого 1909–1910 гг. не раз появляются теплые отзывы писателя о Гусеве, Булгакове и Гольденвейзере, встречи с которыми (и ежедневные рабочие, и более редкие) всегда радовали Толстого. Если в течение некоторого времени Толстой не видел молодых друзей, он начинал их часто вспоминать: в финале ряда его писем к Гусеву, Булгакову и Гольденвейзеру звучит неизменное желание грядущей встречи.

По Гусеву Толстой действительно скучал с момента его высылки в августе 1909 г. 14 января 1910 г. Толстой писал Гусеву: «У нас всё по-старому. Все вас помнят и любят. <...> Прощайте, милый друг. Может, и телесно еще увидимся в этой жизни» [Толстой 81: 44].

В сентябре 1910 г. Толстой гостил в имении Кочеты, принадлежавшем его зятю М.С. Сухотину. 20 и 21 сентября 1910 г. Толстой пишет одно за другим

два письма к Булгакову и Гольденвейзеру. В письме к Булгакову от 20 сентября Толстой благодарит своего корреспондента за присланный рассказ и статью, отмечая: «Может быть, увижусь с вами прежде, чем вы получите это письмо. Думаю выехать и приехать 22-го. Привет всем друзьям» [Толстой 82: 162]. Следующее письмо Толстого от 21 сентября адресовано Гольденвейзеру, оно похоже на предыдущее послание Булгакову. Вновь Толстой начинает с упоминания о литературном материале, а потом говорит и о желаемой встрече: «Я нашел у себя книжечку Клименко о Чайковском. Откуда она у меня? Не знаете ли Вы? Она мне была интересна. Завтра едем. Не хочу говорить иначе, как до свидания» [Толстой 82: 163].

Для Толстого, тем более в поздний период творчества, не было свойственно яркое и многословное выражение эмоций. Но отношение писателя к его молодым друзьям можно понять не только по поступкам, по доверию, но и по немногочисленным кратким репликам и упоминаниям. Приведем лишь несколько показательных примеров. 10 марта 1908 г. Толстой записывает в дневнике, что за последнее время работает над новым изданием «Круга чтения», а «Гусев так хорошо, любовно помогает» [Толстой 56: 110].

В письме к Черткову от 24 декабря 1909 г. Толстой назвал Булгакова «человеком очень и умным и искренно убежденным» [Толстой 89: 163]. Кроме того, лучшая похвала «молодому другу Булгакову» выражалась в полном согласии Толстого с тем, как он высказывал мысли писателя. Обратим внимание на некоторые замечания и пояснения Толстого на письмах, подготовленных Булгаковым: 27 марта 1910 г. (М.П. Кочконогову) «Совершенно согласен с высказанными Булгаковым взглядами» [Толстой 81: 191]; 16 апреля 1910 г. (П. Фролову) «В. Булгаков совершенно выразил и мою мысль» [Толстой 81: 232]; 27 сентября 1910 г. (В.А. Воронову) «Сейчас перечел письмо это к Вам Булгакова и от всей души подтверждаю то, что в нем сказано» [Толстой 82: 171]; 24 октября 1910 г. (А.И. Редрову) «Булгаков так хорошо передал Вам то самое, что я мог и желал бы сказать вам, что мне остается только прибавить, повторить то, что мне радостно было получить ваше письмо...» [Толстой 82: 205–206].

Все три мемуариста, упоминаемые в данной статье, были одаренными людьми. Гольденвейзер был широко известен как пианист и композитор, педагог, преподававший в нескольких институтах и консерватории. Во многом именно благодаря Гольденвейзеру в усадьбе Толстых часто устраивались музыкальные вечера: играл он виртуозно. Кроме того, композитор поддерживал Толстого, следовал его взглядам. Не случайно сам писатель в послании к Гольденвейзеру от 7–8 января 1910 г. отмечал: «Меня связывает с Вами более важное, чем музыка» [Толстой 81: 24].

Молодые помощники и друзья очень любили Толстого и всегда были на его стороне, обижались за него за его вынужденную несвободу в собственном доме и угождения супруге. К 1910 г. обстановка в Ясной Поляне очень обострилась из-за неуравновешенного поведения С.А. Толстой. Были моменты, когда Толстой прилагал все усилия для того, чтобы сдержаться и спокойно пережить скандалы и провокации жены. На два лагеря периодически делилась и семья Толстых, а сам писатель оказывался заложником этой ситуации. Булгаков отметил, что усадьба «превратилась в какую-то крепость, с таинственными свиданиями, переговорами и пр.» [Булгаков: 285]. В такой ситуации, когда и секретарь писателя рассматривался как фигура в определенной коалиции, Толстой, как можно судить по воспоминаниям Гольденвейзера, был очень благодарен композитору, приезжавшему в определенные периоды почти каждый вечер [Гольденвейзер: 521].

Гольденвейзер вспоминает, что Толстой часто просил его сыграть что-нибудь и нередко рассуждал о своей тесной привязанности к музыке. Кроме того, прекрасно пел и Булгаков. До поступления в университет и работы у Толстого он сотрудничал с несколькими газетами, писал научные и научно-публицистические статьи. Периодически во время вечерних разговоров в Ясной Поляне Толстой спрашивал, почему Булгаков не поет. По воспоминаниям самого Булгакова, Толстой хвалил его за мастерское исполнение и четкость произношения: «Я встал и спел “Лихорадушку” Даргомыжского, по просьбе Чертковых, которым я пел эту песню вчера и еще раньше. <...> Потом спел еще народную песню “Последний нынешний денечек”» [Булгаков: 264].

Усадебная жизнь в Ясной Поляне, ее содержание, ритм определялись именно Толстым, причем происходило это негласно. Ясная Поляна без Толстого не была той уникальной усадьбой, в которой всё подчинялось слаженной духовной работе, мысли о необходимом преображении. Гусев, вернувшийся в усадьбу во время отсутствия Толстого, очень хорошо почувствовал, что атмосфера жизни в имении определяется «хозяйном», отказавшимся от собственности на дом и землю. Для описания состояния Гусев приводит цитату С.Д. Николаева: «Я уехал из Кочетов неделю раньше Льва Николаевича. Софья Андреевна – несколькими днями раньше меня. В Ясной Поляне без Льва Николаевича было пусто и скучно. “В Ясной не ясно”, – сказал С.Д. Николаев» [Гусев: 270].

Писатель к 80 годам уже давно отказался от гонораров за свои произведения, старался в минимальной степени использовать труд других людей. Жизнь в относительной роскоши, которую наблюдал вокруг себя Толстой, сравнивая свой усадебный быт с крестьянским, его тяготила. «Я живу дурно, в богатстве,

хотя сам ничего не имею, но с теми, кто живут в богатстве», – отмечает он в письме к А.П. Новикову, крестьянину с. Боровкова Тульской губернии от 8 января 1910 г. [Толстой 81: 28].

Примечательна запись в дневнике Толстого от 22 сентября 1910 г.: «Опять мало спал и возбужден. Не одеваясь, очень хорошо поправил Грота. Записать пустяки: “Нигде, как в деревне, в помещичьей усадьбе не видна так ясно вся греховность жизни богатых”» [Толстой 58: 105–106].

Можно с уверенностью сказать, что Толстой не только болел и страдал за народ, но и стыдился за роскошь высшего света, ощущая вину помещиков и особенно сильно переживая ее. Между тем Ясная Поляна к этому времени стала не просто семейной, фамильной усадьбой, но центром, к которому стягивались люди со всей России, из разных стран. Несмотря на тот факт, что жизнедеятельность усадьбы поддерживалась за счет рабочих, труда крестьян, стремление Толстого помогать людям давно и во много раз превысило его личные нужды и желания.

Ясная Поляна именно *жила* с Толстым, придававшим глубинный смысл каждому движению усадьбы жизни. Гольденвейзер, ссылаясь на Гусева, отмечает тишину и мертвенность в Ясной Поляне без Толстого [Гольденвейзер: 231]. Он пишет, что отнюдь не стены и обстановка имения Толстых привлекала посетителей: «Толстые в каком-то странном настроении. Льва Николаевича не было дома больше трех недель, и они все ясно почувствовали, что притягательная сила их дома только в нем и в нем одном... Между прочим, Денисенки, которых ждут в Ясной, написали Софье Андреевне, что не придут, пока не вернется Лев Николаевич. Софья Андреевна, конечно, возмущена...» [Гольденвейзер: 232].

Всех трех знакомых Толстого, оставивших о нем мемуары, особенно притягивала Ясная Поляна. В судьбе Гусева символичным оказалось то, что он переехал жить в Ясную Поляну только после ареста и последующего освобождения, а уехал из усадьбы уже под надзором полиции, в новое заключение. «По освобождении, я поселился уже не в Телятинках, а в самой Ясной Поляне, где и прожил до нового ареста», – отмечает Гусев [Гусев: 68].

Первоначальное и вынужденное размещение секретарей Толстого в Телятинках, а не в Ясной Поляне было вызвано отнюдь не недоверием и испытательным сроком для помощников писателя, а особой ревностью младшей дочери Толстого – Александры Львовны Толстой. Именно она в 1904 г. купила землю у помещицы А.Е. Звегинцевой и построила в Телятинках дом, а В.Г. Чертков далее перекупил часть земли у А.Л. Толстой. Булгаков изредка жил в усадьбе Толстого, он приезжал в Ясную Поляну из Телятинков ежедневно, а оставался в доме Толстых при не-

обходимости. Талантливый музыкант и педагог Гольденвейзер периодически гостил в Ясной Поляне.

Интересны в рассматриваемом контексте и упоминания мемуаристами друг друга: так как Гусев и Булгаков не пересекались, речь идет, прежде всего, о рассказах Гольденвейзера о Гусеве и Булгакове, их пребывании в Ясной Поляне, и, наоборот, словах Гусева и Булгакова о Гольденвейзере. К примеру, последний отмечает, что во время отъезда А.Л. Толстой из Ясной Поляны в усадьбу переселялся на время Булгаков: «Приехав в Ясную, я застал внизу Душана Петровича и Булгакова, опять живущего в Ясной, по случаю отъезда Александры Львовны. Он смеясь, сказал мне, что его переселение в Ясную всегда служит признаком того, что что-то случилось» [Гольденвейзер: 575].

Гольденвейзер был в доме Толстого и 4 августа 1909 г., когда за Гусевым приехали представители местной полиции для его ареста и отправления в ссылку. Услышав от Гусева, что его ссылают в Пермскую губернию, в Чердынский уезд, он назвал эти места «самыми гнилыми» [Гусев: 285]. Гольденвейзер рассказывает, что высылка Гусева очень взволновала всех, в том числе Толстого, а Гусев не смог даже толком собраться, попрощаться с друзьями и передать дела: «... еле дали ему уложить кое-какие вещи и сдать все бумаги и текущую работу Льва Николаевича, бывшую у него, как у помощника Льва Николаевича, на руках, и увезли» [Гольденвейзер: 240]. Подчеркивает Гольденвейзер гнев Марии Николаевны, сестры Толстого, в это время уже монахини Шамординского монастыря. Сам писатель, по всей видимости, лучше сдерживал возмущение, вызванное абсурдным арестом и тяжелой вестью о ссылке помощника и друга. А вот в Марии Николаевне, как считает Гольденвейзер, проснулась «барская гордость» [Гольденвейзер: 240]. Это негодование Марии Николаевны, сила и степень его была связана, конечно, и с вторжением в яснополянский дом, в мирное течение усадьбы жизни, в семью.

Толстой кратко, но образно записал в дневнике об аресте и увозе Гусева, назвав представителей власти разбойниками: «Вчера вечером приехали разбойники за Гусевым и увезли его» [Толстой 57: 111]. Кроме того, Толстой емко отметил и общее настроение в доме: «Очень хорошие были проводы: отношение всех к нему и его к нам» [Толстой 57: 111].

Воспоминания Гусева, Булгакова и Гольденвейзера ценны во многом тем, что молодые друзья Толстого непредвзято и целостно смотрели и на писателя, и на усадьбу. Утренние часы писателя лучше всего представлены в его дневниках, но все мемуаристы отмечают умеренность Толстого в еде: завтрак его чаще всего состоял из овсяной каши, в которую Толстой разбивал яйцо. «Позавтракав и поговорив с посетителями, Лев Николаевич отправлялся пешком

или верхом на прогулку. Беспokoясь о его здоровье, Софья Андреевна часто спрашивала его, куда он поедет» [Гусев: 362].

Ясная Поляна как усадьба никогда не ограничивалась для Толстого только домом: писатель всегда много ездил верхом, совершал длительные пешие прогулки, во время которых, как вспоминает Булгаков, Толстой проявлял удивительную смелость, переезжая через овраги и лощины, пробираясь через кусты и ветви деревьев. Прогулки для Толстого были необходимостью, временем размышления над текущей работой (если с Толстым ехал кто-то из секретарей или друзей, то сопровождающий держался на несколько десятков шагов позади, чтобы не мешать писателю). Булгаков вспоминает, как он однажды потерял на прогулке Толстого: «Был в Ясной и ездил с Львом Николаевичем верхом, причем на одном из поворотов в лесу потерял его и вернулись домой мы отдельно. Он вышел, смеясь, к обеду, зная, что я сконфужен. Расспрашивал, где я потерял его, и не успокоился до тех пор, пока ясно этого не понял» [Булгаков: 256].

В связи с достаточно преклонным возрастом Толстой вечерами уже не работал так напряженно, как днем. Он или читал у себя в кабинете, или участвовал в общих разговорах в столовой, если был кто-то из приезжих. Из воспоминаний мы узнаем, что Толстой часто опаздывал к обеду, который начинался в 18 часов, так как обычно к этому времени возвращался с прогулки, а потом отдыхал или читал.

Большинство содержательных и пространственных разговоров приходилось на утро (во время завтрака) или вечер (за вечерним чаем или после него). Утренние разговоры, как можно судить по воспоминаниям Гусева и Булгакова, были более краткими, а вот вечером часто обсуждали новости и спорили, много читали вслух. Разговоры с домашними и гостями, чтение вслух произведений и отрывков помогали писателю увидеть реакцию окружающих, понять общее мнение и возможность его изменения. Мы уже писали о том, что «Толстой не просто старался быть в курсе литературного процесса – он во многом способствовал его направлению. Для этого Толстому необходимо было не только задавать тон собственными произведениями, но и содействовать публикации лучших из написанных другими авторами сочинений, решительно высказываться против публикации того, что не имело художественной ценности» [Андреева: 86].

Вечерами в усадьбе читали новинки литературы, а также говорили о литературе и искусстве, об истории и географии, общественных проблемах. К примеру, Гусев вспоминает, как сам Толстой читал «Пески» Серафимовича [Гусев: 107], показавшиеся ему примечательными выдержки из английского журнала [Гусев: 108]. Толстой нередко просил своих помощников прочитать одно из полученных и чем-то

интересных писем. Часто вечерами кто-то из домашних или гостей читал стихи или прозу. Особенное внимание уделялось «Кругу чтения», над которым тогда работал Толстой. Если не было чтения вслух, то домашние и гости «разбредались на несколько кучек», причем в каждой велся свой разговор [Гусев: 132]. Гольденвейзер вспоминает, что часто разговоры после вечернего чая затягивались: «Вечером, когда я приехал в Ясную, все сидели еще за обеденным столом и разговаривали. Были Николаев и Ге. Л.Н. стал играть со мной в шахматы. Софья Андреевна и Николаев остались за обеденным столом. Они говорили о революционерах» [Гольденвейзер: 525].

Булгаков рассказывает о том, что всеобщее внимание уделялось словам и фразам Толстого, и стоило ему сделать на чем-то акцент, как все мгновенно стягивались в кружок: «После обеда Лев Николаевич играл с Эрнефельтом-отцом в шахматы. Оба обыграли друг друга по разу. По окончании игры завязался разговор, тут же за шахматным столиком. Постепенно все собрались в кружок около них: Татьяна Львовна, Ольга Константиновна, Душан Петрович, дети Эрнефельта, я, Дима Чертков» [Булгаков: 137].

Особенными разговоры с Толстым во время вечернего чая становятся в те дни, когда уезжала С.А. Толстая – все домочадцы чувствовали, что с отъездом Софьи Андреевны общение становилось искреннее, непосредственнее: в последние два года жизни Толстой привык ждать от супруги достаточно резких выпадов. Гусев прекрасно уловил тот факт, что отъезд С.А. Толстой словно бы стирал условные границы: Толстой переставал быть только отцом семейства, становился отцом-учителем для всей молодежи: «От десяти до одиннадцати шел общий разговор. И было в этом нашем, молодых людей, разговоре со старым мудрецом что-то трогательное, напоминающее отношение детей к отцу» [Гусев: 100].

Усадебная жизнь для Толстого предполагала близость к природе, единение с нею. Большинство посетителей Ясной Поляны отмечали необычайную живописность имения, но сам Толстой был лучшим наблюдателем окружающей живой жизни. Булгаков вспоминает, как однажды утром Толстой вернулся с расцветшей вербой в руках и в петличке пальто [Булгаков: 159], как в яблоневом саду рассказывал об отличиях листовой почки от цветочной [Булгаков: 171], как Толстой любовался на звезды: «Уже поздно вечером Лев Николаевич пошел к себе. Потом вернулся и позвал всех на балкон – посмотреть на теплую, звездную ночь. Темные деревья, уже в листве, благоухание и – звёзды, звёзды...» [Булгаков: 177].

Несмотря на тот факт, что Толстой был всецело на стороне крестьян, что на рубеже веков писатель стал поистине адвокатом стомиллионного земледельческого русского народа, многие мужики, работавшие

на земле Толстых, не считали, что их помещик чем-то отличается от прочих. Гусев отмечает, что в одну из поездок-прогулок Толстого пьяные мужики обругали его, причем кроме матерных слов в адрес Толстого звучали и обидные пожелания: «Ваше сиятельство! Дай Бог тебе поскорей околоть!» [Гусев: 56]. По словам Гусева, Толстой почти не обратил внимания за эту ругань.

Писатель редко упускал случай общения с народом, Толстой сам отмечал в дневнике многие свои встречи с мужиками. Как правило, в беседах с крестьянами в последние два года жизни в Ясной Поляне Толстой ни на толику не проявлял психологии хозяина и собственника: «...поехал с тремя Танями в лес. Пошел оттуда и набрел на косцов – вся деревня. Говорил о многом с ними, о земле, о солдатчине, о том, что сами себя поработают», – отмечает писатель 22 июня 1909 г. [Толстой 57: 88]. В случаях нарушений крестьянами порядка, их посягательств на имущество Толстой нередко занимал сторону народа. Обратим внимание на запись писателя в дневнике от 17 июля 1908 г.: «Сейчас застал Соню в гневе за порубленный лес. И зачем, зачем она мучает себя? Так жалко ее, а помочь нельзя. Все сильнее и сильнее стыжусь своего положения и всего безумия мира» [Толстой 56: 134].

Остро относился писатель к обвинениям в свой адрес, связанным с роскошной жизнью, использованием своего положения. «Я действительно отказался уже более двадцати лет и от земли, и от денег за сочинения, и, несмотря на это, никто этому не верит, а все считают меня миллионером», – сказал как-то Толстой Гусеву [Гусев: 187]. Г.В. Токарев, рассуждая о жизни Толстого в последний год, отмечает: «Толстой болезненно переживает личное материальное благосостояние. Причиной этого является переживание писателем социальной несправедливости. Себя Толстой относит к классу, который, не имея морального права, живёт за счёт других, присваивает себе результаты чужого труда» [Токарев: 81].

Оставаясь центром усадебного мира, который был создан не только его физическим, но и неустанным литературным и духовным трудом, Толстой нередко ощущал себя живущим как бы в гостях. Этому способствовали, конечно, домашние разногласия. Мемуары о жизни в Ясной Поляне замечательно передают желание Толстого изменить порядок усадебной жизни, а вместе с тем и неспособность писателя это сделать. Очень осуждал Толстой лишнее блюдо за обедом и за ужином, которое С.А. Толстая непременно заказывала как рачительная и заботливая хозяйка, удручал писателя факт прислуживания за столом: «Я думаю, через пятьдесят лет люди будут говорить: представьте, они могли спокойно сидеть и есть, а взрослые люди ходили, прислуживали им, подавали и готовили кушанье!..» [Булгаков: 247].

В отличие от многих потомственных дворян, привыкших к роскоши, Толстой отличался нетребовательностью. Даже в пожилом возрасте писатель старался не беспокоить слуг. Комфорт для Толстого был связан с привычной для него рабочей атмосферой, но отнюдь не с эгоистическими желаниями. Булгаков пишет, что по приезде к Чертковым Толстой попросил переставить мебель удобным для него образом, сам помогал с перемещением. Еще примечательнее случай с разлитыми чернилами: Булгаков рассказывает, как, гостя у Чертковых, Толстой пролил чернила и сам стирал их мокрой бумагой со стола: «Позвал меня помочь, потому что нужно было с силой тереть, и мы терли до тех пор, пока клеенка не стала совсем чистой» [Булгаков: 258].

Несмотря на ухудшающееся здоровье, на недуги и болезни, которые периодически заставляли Толстого соблюдать постельный режим, в Ясной Поляне шла неустанная работа по приему посетителей, ответам на поток писем. Как правило, в усадьбе постоянно гостил кто-то из образованных людей – писатели, общественные деятели, знакомые семьи Толстых. Вот как Булгаков вспоминает свой приезд в Ясную Поляну 26 января 1910 г.: «Вечером в аллею яснополянской усадьбы почти одновременно въехали двое саней: мои и чьи-то запряженные парой, с бубенчиками. Оказалось, приехал из Ясенок писатель П.А. Сергеевко...» [Булгаков: 61].

Посетителей в Ясной Поляне было много: к Толстому тянулся поток людей разных возрастов, сословий и убеждений – они искали совета или просили указаний. В книгах воспоминаний о Толстом свидетельства о гостях становятся фоном усадебной жизни: сложно было не застать у Толстых посетителей. Гольденвейзер, приехавший 31 июля 1910 г., отмечает: «В Ясной я застал гостей: соседи из Басова – супруги Лодыженские и их родственник или добрый знакомый, русский консул в Индии. Сам Лодыженский – человек лет 55, очень громко и много говорящий. Он был в Индии, в Японии; занимается сравнительным изучением индусской и христианской религий. Рассказы его не лишены интереса» [Гольденвейзер: 461]. Повышенное внимание приносило Толстому положительные эмоции и своеобразное удовлетворение: он ощущал себя учителем и проповедником. Однако писатель все более склонялся к отказу от пафоса наставлений, даже если посетители приезжали в усадьбу именно за руководством и уроками Толстого. Нередко писатель корил сам себя за излишнюю несдержанность. Так, 20 января 1909 г. он записывает в дневнике: «Вчера было много народа и надо было говорить. И разумеется, всё не нужно было говорить, что говорил. – Постараюсь воздерживаться. Вчера же, вследствие этой слабости, болтовни и невоздержности особенно живо почувствовал недоста-

точное памятование о том, что жизнь только в настоящем...» [Толстой 57: 15].

Гусев отмечает, что Толстой старался избегать наставлений в общении с посетителями и повествует об общении писателя с рабочими из Тулы. В борьбе с одним из основных пороков простого народа – пьянством, Толстой нашел выход в замене наставлений *просьбами*: «Я теперь новую манеру изобрел разговаривать: я их всех умоляю не пить вино» [Гусев: 164].

Вместе с тем огромный поток людей часто нарушал если не распорядок дня Толстого (распорядок этот в 1909–1910 гг. не был таким жестким), то душевное равновесие писателя: просьбы о деньгах, неосновательные жалобы просителей, неготовность людей к серьезному и кропотливому труду часто вызывали в Толстом разочарование, которое он непременно отмечал в дневнике как факт, требующий внутренней работы и исправления. «Сейчас вышел на балкон, и осадили просители, и не мог удержать доброго ко всем чувства», – отмечает писатель 20 апреля 1909 г. [Толстой 57: 51–52]. Причем неудовольствие Толстого вызывали не только сторонние посетители или просящие, но и знакомые. Вот запись в дневнике от 26 июля 1909 г.: «Вчера приехал шурин Ал. Берс с семьей. Никак не мог удержать не выражения, но отвращения. Дурно. Стал слаб в общении с людьми...» [Толстой 57: 103].

Гусев и Булгаков выполняли значительный объем сложной работы с письмами. С появлением фонографа Толстой стал записывать ответы на отдельные вопросы корреспондентов, но переписка велась преимущественно традиционным способом. Понятно, что отвечая за Толстого корреспондентам, молодые секретари помимо ответственности ощущали и особую интеллектуальную и духовную связь с писателем. Как можно судить по словам самого Толстого, помощь Гусева и Булгакова не просто облегчала его работу, но порою кардинально меняла настроение писателя. 26–27 апреля 1910 г. он сообщает в послании к А.Л. Толстой: «Сейчас 12-ый час ночи, пятница. Собираюсь спать. Расположение духа нехорошее, но кроме твоей болезни и твоего отсутствия так много хорошего, что самый желчный человек не мог бы не радоваться. Булгаков очень хорошо помогает мне и так сердечно, что мне легко с ним, и каждый день и посетители и письма таких близких, хотя и неизвестных людей, что нельзя не радоваться» [Толстой 81: 256–257].

Дочери Толстого, прежде всего А.Л. Толстая, его секретари, помощники и последователи, один из главных друзей и распорядителей Толстого – В.Г. Чертков – составляли мировоззренческий и идейный кружок. Однако целостная усадебная жизнь складывалась в 1909–1910 гг. из сопряжения и нередко противопоставления данного кружка традиционному семейному барскому укладу, который ценила и обере-

гала С.А. Толстая. Биографами Толстого и учеными-толстоведом уже подробно освещено, что столкновения внутри семейной и усадебной жизни Толстых имели драматический характер и привели к уходу писателя из дома. Между тем не всегда «накал страстей» был силен, точнее, подогревался он именно личными, семейными причинами, а вот соприкосновения с посторонними иногда имели даже юмористический характер. Гусев рассказывает о визите в Ясную Поляну соседки-помещицы консервативного духа А.Е. Звегинцевой, которая приехала с браунингом и положила его в передней на подзеркальник (наличие браунинга объяснялось чередой нападений на усадьбу Звегинцевой). Молодые помощники писателя решили показать А.Е. Звегинцевой ее ошибку – револьвер в доме Толстого, призывавшего к непротивлению злу силой, выглядел странно: Дима Чертков торжественно вложил книжку «Не убий» в ручку браунинга. «Мне это понравилось, – пишет Гусев, – и через пять минут, с помощью молодого лакея Вани, все карманы важной гостьи оказались наполненными агитационными брошюрами Толстого против государства» [Гусев: 182].

Жизнь Ясной Поляны в плане досуга и проведения свободного времени отличалась от других усадеб. Критерий пользы, улучшения и преобразования жизни, труда и нравственных усилий был приоритетным как для писателя, так и для его близких. Это не означало, впрочем, что Толстой и его домашние, друзья не уделяли время отдыху. Гольденвейзер рассказывает, к примеру, об игре молодых домочадцев Толстого в городки [Гольденвейзер: 347]. Сам Толстой для отдыха от умственного напряжения вечерами периодически раскладывал пасьянс [Гусев: 286], иногда играл в карты. Но особенное удовольствие доставляла Толстому игра в шахматы – в последние два года жизни он преимущественно играл с зятем, М.С. Сухотиным, и Гольденвейзером. Причем проигрыши вызывали у Толстого разочарование, некоторое подобие горечи.

В плане описания усадебной жизни в рассматриваемых мемуарах большой интерес представляет поездка Толстого в имение Кочеты, принадлежавшее его зятю, М.С. Сухотину. Булгаков достаточно подробно описывает это старинное имение, поражающее роскошью, как и многие барские усадьбы, но устроенное очень мудро, с большим вкусом: «Кроме прекрасного парка и прудов, замечателен в нем барский дом: тоже старинный, одноэтажный, но очень поместительный, с прекрасным убранством. Обстановка не так роскошна, как бывает в богатых купеческих домах, но и не безвкусна, как там... Много старины: по стенам портреты предков, оружие, шкафы с фамильным серебром и дарованными табакерками и т. п.» [Булгаков: 215].

Булгаков точно подмечает состояние Т.Л. Толстой, которая гордилась и восхищалась именем, но, воспитанная отцом в духе честного личного труда и аскетизма, внутренне тяготилась той роскошью, в которой жила. Выход из ситуации, позволявший Т.Л. Толстой жить в таком же относительном спокойствии, заключался в том, что имение это принадлежало все-таки не ей, а ее мужу (ситуация эта проецируется и на дочь, и на отца: всем в Ясной Поляне в это время распоряжался не сам Толстой, а его супруга). Булгаков прекрасно передает красоту усадьбы Сухотиных, которой он восхищался вместе с хозяйкой и покаянные слова последней: «Знаете, Булгаша, здесь так хорошо, что иногда забываешь, откуда все это берется! И, каюсь, я по большей части забываю» [Булгаков: 215].

Достаточно эмоциональны те письма Толстого от мая 1910 г., которые передают внутреннюю тягу писателя к жизни в большом и живописном имении. Уже приехав в Кочеты, Толстой сообщает дочери Александры, как ему хотелось уехать из Ясной, где в последнее время было много суеты и посетителей [Толстой 82: 13]. Как можно судить по воспоминаниям и письмам Толстого, обстановка в собственной усадьбе и постоянный приток людей его утомляли, хотелось спокойствия, которое всегда было так необходимо Толстому для литературной работы. 8 мая 1910 г. писатель общался А.Л. Толстой из Кочетов: «Мне здесь так хорошо, что не верится, что наяву, такая тишина, такой досуг и такой милый *entourage* и такая удивительная природа. Ничего нового не пишу. Да и не успел. И не надо. И так хорошо» [Толстой 82: 19]. Примечательно, что Толстой стремился обзреть и окрестности имения зятя: во время одной из прогулок Толстой и Булгаков уехали за семь верст, в парк князя Голицына, поражающий своими размерами и великолепием.

Отношение писателя к усадебной жизни, ощущение внутренней потребности ее сохранения очень хорошо передают слова Толстого о парке в имении Кочеты, которые приводит Булгаков. Он записал, что 3 октября 1910 г. за завтраком зашел разговор о сыновьях Сухотина, которые намеревались вырубить часть деревьев в кочетковском парке. Булгаков передает, что Толстой возмущался по этому поводу, приводит его эмоциональные слова, пафос которых был связан с мыслью о сохранении масштабности и природной уникальности усадебной жизни. Обратим внимание, что в пересказе Булгакова Толстой называет цветы «мерзостью», что очень не характерно для писателя, восхищавшегося цветами и букетами. Данное Толстым наименование можно объяснить лишь контекстом, в котором цветы ассоциируются с быстро увядающим, проходящим, а деревья символизируют почти нерушимую, связующую поколения силу: «Хотят заменить каким-то цветником! Эта мерзость – цветы, которые зарастут крапивой, нуж-

но за ними ухаживать, – и деревья – вечная красота!» [Булгаков: 379].

Воспоминания о Толстом и его жизни в последние годы показывают, что желание писателя максимально отказаться от всего лишнего и роскошного было фактически не исполнимо при жизни в усадьбе. Булгаков, разделявший мировоззрение Толстого, взглянув на пять экипажей, в которых совершался переезд из Кочетов в Ясную Поляну, описал их как «совершенно какой-то царский поезд» [Булгаков: 235]. Между тем отнюдь не роскошь окружающей барской жизни, от которой умел отказываться Толстой, а внутренние семейные противоречия вынудили его уйти из Ясной Поляны.

Можно сказать, что секретари Гусев и Булгаков, которые добровольно бы не разлучились с Толстым, оказались верны не просто памяти писателя, но остались «на службе у Толстого» пожизненно – Гусев стал директором музея Толстого в Москве (в 1925–1931 гг.), известным ученым-литературоведом, текстологом, составителем научной биографии Толстого с 1828 г. по 1885 г., принимавшим важнейшее участие в издании полного собрания сочинений Толстого в 90 томах. Булгаков, приступивший после смерти Толстого к изданию его произведений, упорядочиванию библиотеки писателя, был в феврале 1923 г. выслан из страны. Как отмечает А.И. Савин, безуспешно ходатайствовала за Булгакова Т.Л. Толстая, которая писала, что «качать за исповедание и выражение вечных истин – недостойно правительства, поставившего среди своих лозунгов принципы свободы, равенства и братства» [Савин: 188]. Исследователь отмечает, что «не помогла Булгакову и его личная жалоба в Президиум ВЦИК, который утвердил постановление о высылке его в Германию сроком на три года» [Савин: 188]. Булгаков вернулся на родину лишь в 1948 г., поселился в Ясной Поляне, где 20 лет был хранителем музея.

«Воспоминания» Гольденвейзера показывают, что и на его судьбу огромное влияние оказало общение с Толстым, позволившее Гольденвейзеру стать не просто талантливым музыкантом и композитором, каким он уже был и к моменту встречи с писателем и во время общения с ним, грамотным музыкальным редактором и еще более успешным и чутким педагогом. А.А. Платонова рассматривает основные принципы работы композитора и отмечает, что из класса Гольденвейзера вышли разнообразные и самобытные, не похожие друг на друга пианисты, что «педагогика Гольденвейзера является примером деятельностного метода совместно с личностно-ориентированным подходом, характеризующимися опорой на активное обучение, глубокое погружение и понимание материала произведения, развитие ответственности и самостоятельности, основанных на личном примере, и взаимное уважение педагога и студента» [Платонова: 99]. Общение с Толстым мно-

гое открыло Гольденвейзеру, показало ему значимость развития и упрочения уникальности личности, развития профессионализма, неразрывно связанного с духовным преображением человека.

Таким образом, можно утверждать, что общение и работа с Толстым значительно и по-разному повлияли на судьбу всех трех мемуаристов, но во многом направили и осветили их дальнейшее духовное движение и профессиональный рост. Оставленные Гусевым, Булгаковым и Гольденвейзером воспоминания позволяют оценить и проанализировать специфику яснополянской жизни писателя, сделать вывод о том, что, несмотря на многочисленные противоречия в семье, Толстой до последнего не готов был отказаться от усадебного бытия, которое в его представлении неизменно связывалось с монументальностью, основательностью, строгим распорядком и новыми формами жизни на земле.

Список литературы

Александров А.С. Мемуары о Л.Н. Толстом в информационном пространстве начала XX века // Известия смоленского государственного университета. 2015. № 2 (30). С. 24–32.

Андреева В.Г. Эпистолярное наследие Л.Н. Толстого рубежа XIX–XX веков: мотив чтения в усадьбе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 6 (1). С. 80–90. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.080>

Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Худ. лит., 1960. 512 с.

Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М.: Захаров, 2002. 652 с.

Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого. 1907–1909. М.: Худ. лит., 1973. 464 с.

Мардов И.Б. Лев Толстой на вершинах жизни. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 432 с.

Платонова А.А. Творческие принципы А.Б. Гольденвейзера // Художественное образование и наука. 2020. № 3 (24). С. 98–103.

Савин А.И. Последние пассажиры «Философского парохода». К истории высылки из СССР религиозных пацифистов // Новое прошлое / The New Past. 2020. № 4. С. 178–193.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958.

Токарев Г.В. Коммуникативные особенности дневника последнего года жизни Л.Н. Толстого // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. 2019. № 10. С. 79–83.

References

Aleksandrov A.S. *Memoary o L.N. Tolstom v informatsionnom prostranstve nachala XX veka* [Memoirs

about L.N. Tolstoy in the information space of the early 20th century]. *Izvestia smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Smolensk State University], 2015, № 2 (30), pp. 24–32. (In Russ.)

Andreeva V.G. *Epistoliarnoe nasledie L.N. Tolstogo rubezha XIX–XX vekov: motiv chteniia v usad'be* [Epistolary legacy of L.N. Tolstoy at the turn of the 19th–20th centuries: the motive of reading in the estate]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Filologicheskie nauki. Scientific reports of higher school], 2021, № 6 (1), pp. 80–90. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.080> (In Russ.)

Bulgakov V.F. *L.N. Tolstoy v poslednii god ego zhizni* [L.N. Tolstoy in the last year of his life]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1960, 512 p. (In Russ.)

Gol'denveizer A.B. *Vblizi Tolstogo* [Near Tolstoy]. Moscow, Zakharov Publ., 2002, 652 p. (In Russ.)

Gusev N.N. *Dva goda s L.N. Tolstym. Vospominaniia i dnevnik byvshego sekretaria L.N. Tolstogo. 1907–1909* [Two years with L.N. Tolstoy. Memoirs and diary of the former secretary L.N. Tolstoy. 1907–1909]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1973, 464 p. (In Russ.)

Mardov I.B. *Lev Tolstoy na verшинakh zhizni* [Leo Tolstoy on the heights of life]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2003, 432 p. (In Russ.)

Platonova A.A. *Tvorcheskie printsipy A.B. Gol'denveizera* [Creative principles of A.B. Goldenweiser]. *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka* [Art education and science], 2020, № 3 (24), pp. 98–103. (In Russ.)

Savin A.I. *Poslednie passazhiry "Filosofskogo parokhoda": K istorii vysylki iz SSSR religioznykh patsifistov* [The last passengers of the "Philosophical steamer". On the history of the expulsion of religious pacifists from the USSR]. *Novoe proshloe* [The New Past], 2020, № 4, pp. 178–193. (In Russ.)

Tolstoy L.N. *Poln. sobr. soch.: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1928–1958. (In Russ.)

Tokarev G.V. *Kommunikativnye osobennosti dnevnika poslednego goda zhizni L.N. Tolstogo* [Communicative features of the diary of the last year of L.N. Tolstoy]. *Chelovek i iazyk v kommunikativnom prostranstve: sb. nauch. st.* [Man and language in the communicative space: collection of scientific articles], 2019, № 10, pp. 79–83. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 11.05.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 12.05.2022.